

A man in a dark suit and a woman in a white wedding dress are shown in profile, facing each other. The man is on the left, looking towards the woman on the right. The woman has long blonde hair and is wearing a white lace wedding dress. The background is black.

Алекс Мара

Да. Нет. Не знаю

Алекс Мара

Да. Нет. Не знаю

<https://litres.ru/74145517>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Наша Тата девочка послушная, смиренная. Вашему сыну не будет от неё никаких проблем. Она ни в чём его не ограничит и станет примерной женой.

– Наш врач проверил её медкарту. У Таты были тяжёлые осложнения после аппендицита.

– Что вы, это была ерунда!

– Она сможет иметь детей?

– Сколько угодно и когда угодно! Она сделает всё, чего ваш сын потребует!

***

Отцу грозит тюрьма, и только мой брак с сыном конкурента может его спасти.

У моего жениха есть любовница, и он не собирается хранить мне верность, а отец пообещал ему моё полное повиновение.

Нет уж

Есть только один выход – бежать и никогда не возвращаться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алекс Мара

Да. Нет. Не знаю

Глава 1

Цепким взглядом охватываю зал.

Цветы в вазах на каждой поверхности, гирлянды на окнах, которые, кстати, открыты, чтобы в них могли просунуться фотографии, которые якобы тайком и без разрешения будут делать снимки нашего бракосочетания. Всё это подстроено.

Моя будущая свекровь, пиар-директор строительной компании и нашей срочной свадьбы, спорит по телефону с каким-то журналистом о тексте завтрашних новостей.

– Нет, не так. Пишите, я диктую: два сердца, которые нашли друг друга среди шума и суеты города, поженились втайне, сохранив мгновение только для себя и самых близких. Счастливые и влюблённые, наследники двух самых крупных строительных компаний региона, объединили свои жизни и две великие семьи

Это про меня и моего жениха, которого я никогда не видела. Раньше наши отцы были конкурентами и старались не общаться и не сталкиваться, а теперь вдруг решили объединиться. Без промедления.

Говорю же, свадьба срочная. Неожиданная.

Нам предоставили один из самых красивых залов ЗАГСа после его закрытия. Нас вписали в очередь, чтобы всё выглядело официально и легально. Кроме наших семей, здесь никого нет. Охрана оцепила здание, чтобы любопытствующие прохожие не помешали церемонии.

Как говорится, нет ничего невозможного.

Вечер прохладный, и я ёжусь на сквозняке. Попыталась надеть жакет поверх свадебного платья, но будущая свекровь запретила на случай, если фотографы решат сделать неожиданный и ранний снимок. По её словам, мой жакет ужасен, и даже нищий на паперти отказался бы его надеть.

– Ты должна быть идеальна, а у тебя и так с волосами что-то дикое творится. – Свекровь брезгливо смотрит на мои распущенные волосы с заколотыми на затылке прядями и качает головой. – У нас ещё двадцать минут до начала. Доверься моему визажисту, и она исправит этот несчастный случай, который ты называешь бровями. А заодно сделает так, чтобы у тебя появилось хотя бы подобие губ. Таточка, девушкам с твоим цветом лица нельзя использовать светлую помаду.

– Я не использую помаду. – Как это? – Она застывает в изумлении с полуоткрытым ртом. На её губах, конечно же, идеально ровный слой помады. Она вообще очень красивая женщина и умная тоже, но не зря её на работе называют стервочкой.

– Очень просто. – Пожимаю плечами. – Берёшь помаду и ничего ею не красишь. Вуаля!

Она поджигает губы и отворачивается.

С такой дамой надо уметь постоять за себя и сразу показать, что ей не удастся мною управлять. Отчасти поэтому я наотрез отказалась от её визажистов-стилистов и остальной армии персонала. Если бы это была нормальная свадьба, то я, конечно же, вела бы себя по-другому. А это показное мероприятие, ради которого мне пришлось срочно прилететь в город вчера вечером, мне противно.

Плюс к этому, я до сих пор в шоке.

Не могу поверить, что это и правда происходит со мной.

Договорная свадьба? Серьёзно?

Отец умолял меня по телефону, плакал и клялся, что Орловы будут относиться ко мне как к принцессе, потому что эта свадьба поможет обеим семьям: расширит зону влияния их компаний и поможет с новым и очень сильным конкурентом. Орловы получат желанный доступ к ресурсам моего отца, а их политические связи и чистая репутация спасут моего отца от тюрьмы.

Отсюда и срочность.

Счастливые влюблённые молодожёны и их обнимающиеся родители на фотографиях во всех утренних газетах покажут миру, что слухи о неприглядных махинациях моего отца – гадкая ложь, иначе Орловы ни за что бы с нами не породнились и не захотели объединить две строительные империи. После этих новостей у отца прекратятся проблемы с инвесторами и с властями, и его неприглядное прошлое бу-

дет покрашено в чистый белый цвет.

Я не смогла отказаться. Спасти отца показалось правильным? Даже если он заслужил наказание. Я ни с кем не встречаюсь, могу работать в любом городе

Мысль о том, что придётся выйти замуж за незнакомца, пугает, но я не смогла отказать отцу.

Когда отец позвонил, я стояла в очереди за мороженым. Через полтора часа я уже летела домой на собственную свадьбу с мужчиной, с которым никогда не встречалась.

И вот я здесь

Сердце бьётся так яростно, будто хочет вырваться наружу. Ладони влажные от волнения.

Потираю их друг о дружку, ёжусь.

– Волнуешься, счастье моё? – раздаётся ироничный баритон за моей спиной.

Делаю глубокий вдох, считаю до трёх и только потом оборачиваюсь, чтобы впервые увидеть моего жениха.

На итальянском таких, как он называют *maschio*.

Глава 2

Мачо. Жеребец. Супер-мужчина. Вот, что подразумевается под словом *maschio*.

Однако для меня оно означает совсем другое.

Мирон Орлов – мужчина, совершенно не подходящий мне в мужа, – это заметно с первого взгляда.

Мысленно отстраняюсь от ситуации и оцениваю Мирона пока он оценивает меня. В нём есть то особое качество, которое нельзя спутать с обычной привлекательностью. Оно сильнее и намного сложнее. В Мироне ощущается сила характера, мощь, почти животная, и это впечатляет сильнее, чем широкие плечи, точёные скулы и дорогой костюм.

Мирон кажется диким и неукротимым, а это опасное качество, на которое женщины слетаются, как моль на пламя. Он держится уверенно, высокомерно, будто весь мир обязан под него подстраиваться. Его нельзя ни укротить, ни приручить, но наверняка многим женщинам хочется попробовать.

Не мне, это точно.

Я не укротительница, а переводчица. Живу тихой жизнью и так бы и продолжала, если бы меня не вызвали по срочной матримониальной необходимости.

И подсунули мне этого *maschio*.

Не люблю таких мужчин, они очень утомляют.

Вдруг вспоминаю, что Мирон задал вопрос, волнуясь ли

я.

– Да, я волнуюсь. – Не считаю нужным отрицать очевидное.

Его лицо расплывается в неискренней белозубой улыбке.

– Не волнуйся, дорогая. Брак со мной будет сплошным фейерверком. Тебе всё понравится.

Ну вот, я так и думала, что он будет придуриваться. Слишком гордый, чтобы признать тот факт, что мамочка с папочкой принудили его к женитьбе, но при этом слишком злитесь из-за этого, чтобы поговорить, как взрослые люди.

– Мирон

– Разве ты не будешь называть меня: «Любимый»? Я приготовил для тебя много очаровательных имён – пупсик, крошка, милашка, котёнок

– Мирон, может, мы поговорим, раз у нас есть четверть часа до начала церемонии?

Его мать надвигается на нас и толкает друг к другу с такой силой, что меня почти расплющивает о грудь жениха.

– Вы должны выглядеть влюблёнными! – шипит раздражённо. – А ты, Тата, улыбайся. Держи лицо! Помните, что фотографии уже здесь.

Пытаюсь отстраниться, но Мирон удерживает меня, прижимает к себе и рассматривает моё лицо с иронией во взгляде. Едва сдерживается, чтобы не рассмеяться в голос.

Но при этом со стороны мы, наверное, выглядим очень убедительной влюблённой парой.

– Дорогая, я собираюсь тебя поцеловать. Моя любовь к тебе настолько сильна, что я не могу дождаться завершения церемонии. Куда можно целиться, чтобы не испортить макияж?

Его мать фыркает и закатывает глаза.

– Куда угодно! Такое важное событие, а на ней почти нет косметики. Пойдёт слух, что ты женился на привидении.

– М-м-м В этом есть нечто волнующее.

Я высвобождаюсь из рук жениха, не позволяя себя поцеловать.

– Мирон, каковы шансы, что ты согласишься поговорить как нормальный человек? – спрашиваю со вздохом.

Мне предстоит терпеть эту парочку всю оставшуюся жизнь? Какой кошмар

– Нет ничего примитивнее так называемых *нормальных* людей. – Мирон надменно хмыкает.

Может, лучше отсидеть за папу в тюрьме, чем выходить замуж за этого павлина?

Мы ещё не поженились, а уже очевидно, что хорошего отношения от мужа мне ждать не следует. Мирон старше меня, и он работает в компании его отца на высокой должности, так что наверняка с самого начала был в курсе переговоров с моим отцом и договорённостей. И он знает, что меня пригласили сюда в последнюю минуту из другого города, и я вообще ни о чём не знала и непричастна к случившемуся. Любой мало-мальски приличный человек осознал бы, как силь-

но я волнуюсь, и постарался поддержать и успокоить. Я же его будущая жена, как-никак! Мать его детей!

А Мирон ведёт себя как...

Не хочется ругаться плохими словами в день собственной свадьбы.

– О чём ты хочешь поговорить, счастье моё? – спрашивает Мирон. Дурацкая ухмылка так и остаётся приклеенной к его лицу.

– О нас.

– Мы с тобой поженимся и будем жить душа в душу пока не умрём в один день, держась за руки. – Он бросает вопросительный взгляд на мать. – Так это говорят? Или я что-то спутал? Рука в руку, душа в душу, ещё кое-что в

– Мирон, прекрати! – Его мать кривит лицо.

Моя мама сидит в углу зала с отрешённым выражением лица. Вот она уж точно выглядит, как привидение. Её настолько шокировали папины проблемы с законом, что на меня ресурсов её нервной системы уже не хватило. Она не смогла даже поговорить со мной о грядущей свадьбе. Заперлась в спальне и не выходила. Папа приказал ей явиться на свадьбу. Полночи уговаривал её выйти из спальни, а потом разозлился и наорал на неё. Маму привезли сюда в отдельной машине и поместили в угол, как мебель.

Когда я пытаюсь с ней поговорить, она только гладит меня по голове и плачет, поэтому сейчас лучше к ней не подходить.

Мать Мирона следит за направлением моего взгляда и морщится.

– Лучше бы твоя мать вообще не приезжала! Надо предупредить фотографов, чтобы её не снимали.

С этими словами она уходит.

А я снова смотрю на моего будущего мужа, только уже без надежды на хороший или хотя бы терпимый брак.

Взываю к последним каплям моего терпения.

– Нам с тобой выпали неожиданные карты. Мы не хотим этого брака, но так уж получилось – говорю сдержанно.

– Получилось, что твой отец вот-вот загремит в тюрьму, если мы ему не поможем, – перебивает Мирон.

– А у вас будут серьёзные проблемы с деньгами, если *мы* вам не поможем, – отвечаю в тон ему. – Я не причастна к тому, что сделал мой отец, и вообще никак не связана с его бизнесом, поэтому вымещать раздражение на мне несправедливо. Раз уж мы оказались в такой ситуации, то я хочу постараться, чтобы у нас с тобой было подобие дружеских отношений, а не это нелепое ироничное противостояние.

Мирон приподнимает брови, долго смотрит на меня, но мне непонятны его эмоции.

– *Дружеские отношения?* Интересно Я буду развлекаться на стороне, а ты согласишься со мной *дружить*?

О его бурных романах ходит много слухов. Сейчас он содержит какую-то балерину. Я сознательно запретила себе искать эту информацию в сети, а то не смогла бы решиться на

брак. Наивная, я надеялась договориться с будущим мужем о том, чтобы оставить наше прошлое за плечами и совместными усилиями построить хорошую семью.

Эта надежда только что погибла.

– Мне нужно выйти.

Захожу в уборную, смотрю в зеркало на своё бледное, отчаявшееся лицо.

В ушах звенят слова отца.

«Думаешь, мне легко тебя просить о такой жертве?! Нет, дочка, поверь, для меня это хуже, чем для тебя. Но у меня нет выбора. Либо мы объединимся с Орловыми, либо мне грозит тюрьма. Ты ещё слишком молода и наивна, чтобы понимать, как устроен этот мир. Здесь всё держится не на правде и не на справедливости, а на имени. Имя – это главная валюта, это то, что открывает двери. А сейчас моё имя забрызгали грязью. Люди, которые вчера пожимали мне руку и заискивали, сегодня отводят взгляд и делают вид, что не знают меня. Без помощи Орловых нам не пережить этот скандал, меня сотрут в порошок. Союз с ними вернёт мне право голоса, силу, уважение. Они готовы пойти на это, но вам с Мироном придётся пожениваться Таточка! Ты меня слушаешь? Скажи хоть что-нибудь! Думаешь, что я продаю тебя врагу и что бизнеси моя собственная шкура важнее для меня, чем твоё счастье? Солнышко моё, не думай так! Я всё отдам за твоё счастье. Но постарайся меня понять: это не только бизнес, а вся наша жизнь. Наши

дом, твоё будущее, наше имя. Если ты не согласишься, нас всех растопчут. Сын Орлова – порядочный человек. Если ты выйдешь за него, у тебя будет дом, обеспеченность и уважение общества. Орловы очень хотят этого брака, они будут тебя холить и лелеять. Вот увидишь, Мирон будет носить тебя на руках! А главное – я смогу восстановить своё имя, а значит, защитить нас всех. Умоляю тебя, Таточка! Впервые в жизни я прошу тебя о жертве. Иногда приходится жертвовать собой ради тех, кого любишь. Я сделал бы это за тебя, если бы мог»

Тот разговор поверг меня в шок, но при этом отец не сказал мне всей правды. Он описал Орловых приятными людьми, которые буду меня холить и лелеять. А Мирон якобы так рад нашему браку, что будет носить меня на руках.

М-да

Ложь во благо или просто ложь?

Время поджигает. Пора возвращаться в зал, хотя и не хочется.

Каждый шаг даётся с трудом. Свадебное платье стягивает грудь, не давая дышать. В груди пустота и холод, в горле стоит немой крик, но я упорно переставляю ноги, потому что выбора нет. Воздух густой, чужой, и каждый вдох даётся с трудом. Я иду к неприятному незнакомцу, к жизни, от которой хочется отвернуться. Кажусь себе приговорённой к пожизненной пытке. Шаг за шагом приближаюсь к собственной клетке.

Прохожу мимо одного из залов, дверь в который приоткрыта. Слышу голос отца и останавливаюсь.

– Наша Тата девочка послушная, смиренная. Вашему сыну не будет от неё никаких проблем. Она ни в чём его не ограничит и станет примерной женой.

– Она знает, что Мирон содержит любовницу?

– Зачем ей об этом знать? Эта информация только помешает их браку. Тебе следует поговорить с Мироном и потребовать, чтобы он скрывал свои похождения. Он должен проявить уважение к моей дочери, да и нам слухи ни к чему. Их брак должен выглядеть идеальным.

– Да, ты прав. Я с ним поговорю. Они с Татой должны появляться в обществе и выглядеть счастливыми. Ещё поможет, если она быстро забеременеет. Кстати, наш врач проверил медкарту Таты и сказал, что у неё были тяжёлые осложнения после аппендицита.

– Что ты, это была ерунда! Всего лишь небольшое воспаление, и Тата полностью восстановилась.

– Она сможет иметь детей?

– Сколько угодно и когда угодно! Она сделает всё, чего ваш сын потребует

Глава 3

Колени внезапно слабеют.

Я съезжаю по стене и оказываюсь на корточках. Хорошо хоть успела прислониться к стене, а то рухнула бы на пол.

Мне не хватает воздуха. Дышать тяжело, на груди словно лежит тяжёлый горячий камень.

Мужчина, которого я только что слышала, – это не мой отец. Не человек, который вырастил меня, любил, защищал и поддерживал.

Это незнакомец.

Наверное, все мы ведём себя непредсказуемо, если нас загнать в угол. Но хочется надеяться, что я бы никогда не опустилась до такой степени, чтобы продать дочь людям, которые раньше были твоими врагами. Которые ищут сыну не жену, а покорную, молчаливую племенную кобылу.

Отец фактически продал меня в рабство, пообещал моё полное бессловесное подчинение Мирону.

Он сказал Орлову, что я всё стерплю. Буду смирной и прилежной. Стану выполнять все приказы и прихоти мужа.

Трясу головой, как будто пытаюсь проснуться от ночного кошмара.

В груди разливается горечь предательства: гадкое, ноющее сочетание ярости и обиды.

Как можно так подставить свою собственную дочь? И при

этом лгать мне, что Орловы будут обо мне заботиться, а Мирон станет носить меня на руках

Хочется посмотреть отцу глаза, попытаться найти в них хоть малейший отблеск стыда, но что-то мне говорит, что я увижу только расчёт.

В критической ситуации он думает только о себе. Не о жене, которая не в силах вырваться из шока, и уж точно не о дочери, чью жизнь разрушает.

Помню, как отец держал меня за руку в детстве, и та рука казалась крепче камня.

То время прошло. Отец вырастил меня, чтобы продать с максимальной выгодой.

Наверное, как хорошая и любящая дочь, я должна попытаться понять отца, даже пожалеть его. Он в сложной ситуации и явно доведён до предела, раз идёт на такое.

Наверное, я могу попросить работников ЗАГСА подождать. Могу выйти в зал и потребовать переговоров с Орловыми, чтобы заново договориться об условиях брака. Подчиняться самодовольному павлину я не собираюсь, это уж точно.

Наверное, я могу настоять на разговоре с самим павлином моим женихом и попытаться выяснить отношения. Однако я не делаю ничего из перечисленного.

Не даю вторых шансов, не прощаю, не договариваюсь. Не делаю скидки на родство.

Наверное, я плохая дочь, но отцу придётся самому пла-

тить за свои ошибки.

Титаническим усилием беру себя в руки и возвращаюсь в зал.

Мать Мирона суетится, пытаясь найти мужа. Заметив меня, тут же набрасывается с претензиями и обвинениями. – Ты где была? Неужели не понимаешь, как важно твоё присутствие? Я же объяснила вам с Мироном, как надо себя вести? Разве тебя не волнует судьба твоего отца? Уж раз ты уходила, то могла бы привести себя в порядок. Стой на месте теперь, пока я ищу мужчин

Высвобождаюсь из её хватки и направляюсь к маме. Беру сумочку из её рук. Мама едва ли реагирует, только слабо улыбается, не глядя на меня.

Ей срочно нужна помощь. Сейчас мне ей не помочь, я и сама еле справляюсь, но завтра же позвоню моему дяде и расскажу о том, что происходит. Пока отец пытается выкрутиться из своих проблем, маме нужна поддержка и медицинская помощь.

– Что ты делаешь, Тата? – с подозрением спрашивает женщина, которая теперь уже никогда не станет моей свекровью.

Трясу маминой сумочкой перед её носом.

– Пойду попудрю нос!

Она пытается меня удержать, бормочет: «Ещё только пудры не хватало, и так лица не видно», но я прохожу мимо неё.

– Тата! Подожди! Ты куда? У нас ещё есть пять минут, чтобы поговорить. – Павлин протягивает ко мне руку, но я

уворачиваюсь.

– Наведу марафет, и поговорим, – отвечаю флегматично и выхожу из зала.

А потом и из ЗАГСа тоже.

Умоляя судьбу о помощи, открываю мамину сумочку и выдыхаю от облегчения. Ключи от дома на месте, а также есть наличка на такси. Всё, что мне надо.

Буквально вылетаю на мостовую в попытке срочно поймать такси, возвращаюсь в родительскую квартиру за вещами.

Оставляю отцу краткую записку на кухонном столе. Очень краткую, всего одно слово.

НЕТ

Сорок пять минут спустя я уже в поезде, уезжаю прочь. Возвращаюсь к себе домой, где мне и следовало оставаться всё это время.

В японском языке есть очень красивое и интересное слово – dasshutsu. Оно означает выход из ловушки, спасение.

Я очень надеюсь, что успешно избежала ловушки. Никто не сможет принудить меня к замужеству, а на жалость меня больше не раскрутить. Я выучила урок.

У меня своя жизнь.

Итак, на чём я остановилась? Я стояла в очереди за мороженым

Глава 4

Двадцать три голосовых сообщения от отца.

И целая уйма напечатанных, длинных, нудных, полных приказного тона и скрытой угрозы.

Пока я ехала в поезде, выключила телефон. Позволила себе немного отдохнуть и порадоваться тому, что мне удалось сбежать. Нет, меня бы не стали принуждать и выдавать замуж насильно, но если бы я не сбежала, а просто отказалась выходить замуж, мне испортили бы очень много крови. И вполне возможно, что эмоциональные манипуляции отца вынудили бы меня согласиться.

А так я спаслась и не чувствую себя виноватой.

Во всех своих уговорах отец не сказал главного: что он не виноват в том, в чём его обвиняют. А это значит, что наказание, которое ему вынесут, заслуженное.

Он надавил на меня, шокировал, чтобы я согласилась выйти замуж.

Он предал меня, чтобы спрятать свои грехи.

Сажу на кухне в моей квартире с чашкой чая в руках. Мне не хочется слушать сообщения отца, но придётся на случай, если он соберётся приехать сюда или предпринять что-то подобное. Нужно знать, чего ожидать.

Тата, как ты могла так поступить? Ты опозорила нас перед Орловыми и перед всеми, кто был в ЗАГСе. Мы с ма-

терью вложили душу в твоё воспитание, а ты отплатила позором. Неблагодарная Как ты можешь так жестоко поступить с семьёй? Ты видела, в каком состоянии мать. Что с ней случится, если она останется одна? Самое малое, что ты можешь сделать, – это вернуться и извиниться перед всеми. Скажем, что ты переволновалась, но теперь сожалеешь о своём проступке

Да уж, сожалею, как же

Никакой полезной информации в сообщениях я не нахожу. Угрозы, конечно, имеются, но чисто теоретические.

Наступит день, когда и тебе понадобится помощь, но на нас с матерью не рассчитывай.

Честно говоря, я и не рассчитывала, не после того как отказалась работать на отца и уехала из города. Он надеялся, что я захочу обучиться бизнесу, но меня интересовали иностранные языки. Да и работать на отца я не хотела, у него непростой характер. Вопреки давлению и недовольству родителей, я уехала в другой город поступать в университет, там и работаю, и живу до сих пор.

У французов есть красивое слово *envol* – означает, что птенец выпорхнул из гнезда, а в переносном смысле – начало новой жизни.

Я только что сделала это снова.

С каждым днём сообщений от отца всё меньше, и по их содержанию очевидно, что он теряет надежду на то, что я вернусь. Он уже перебрал весь арсенал угроз, вычеркнул ме-

ня из завещания и не считает меня своей дочерью. С последним легко согласиться. То, как он со мной поступил, доказывает этот печальный факт.

Наступает день, когда сообщения от отца прекращаются, но тогда приходит ещё одно, от моей тёти.

Приезжай, Тата. Твоя мать в больнице

Ловлю себя на том, что моя первая мысль – не ловушка ли это. Мы безумно стыдно. Я должна волноваться о матери, а вместо этого теряюсь в подозрениях. Напоминаю себе, что мама даже не пыталась меня защитить и ни разу не позвонила мне после несостоявшейся свадьбы, однако это не помогает. Наоборот, мне становится ещё больнее, что наша маленькая и однажды дружная семья совсем распалась.

Звоню маминей сестре. Она живёт в пригороде, однако приезжала навестить маму в больницу, куда она попала после ссоры с отцом с болями в сердце. Мама по-прежнему в шоке, совсем мало говорит и не хочет возвращаться домой к отцу. А тот, по словам тёти, совсем съехал с катушек. К нему на дом ходят какие-то женщины, он устраивает бурные вечеринки, которые гремят на всю округу. Слухи о том, что отцу грозит тюрьма, заполонили город, в то время как он проводит дни и ночи в беспробудном веселье.

Отец не собирается помогать маме, а она не хочет к нему возвращаться. Однако больше ей идти некуда, не в таком состоянии.

У её сестры большая семья, и она не в состоянии помочь

и забрать маму к себе.

А значит, с этим придётся разбираться мне.

Сбегая с несостоявшейся свадьбы, я надеялась, что мне ещё долго не придётся возвращаться в родной город. Но судьба распорядилась иначе, и вот я выхожу из поезда и направляюсь напрямиком в больницу.

Мамино состояние меня шокирует. Я больше не обижаюсь на неё за то, что она не пыталась меня поддержать. Похоже, что она не в состоянии помочь даже самой себе.

Она лежит на больничной кровати и смотрит в одну точку, почти не моргая. Я подхожу к ней, стою рядом, но она словно не замечает меня. Только через пару минут я слышу её тихий, тусклый голос. – Я подала на развод.

Глава 5

Я как-то сразу перестаю жаловаться на свою судьбу.

Случившееся со мной оказалось лишь верхушкой айсберга. Остальная его махина, ранее скрытая, теперь вылезает наружу и наваливается на всех нас.

Разрушаются не только мои отношения с отцом, рушится вся наша семья.

Разводы бывают разными. Кто-то может разочароваться и разойтись по-тихому. Другие умеют хотя бы вести себя достойно, как приличные люди. Однако мои родители выбрали иной путь. Они расстаются со скандалами, с грязными слухами, которыми пестрят газеты. С ненужной популярностью, которая становится проклятием. С попаданиями в больницу, драмой и фейерверком эмоций.

Я уже третий час сижу с мамой. Обычно она самый общительный человек из всех, кого я знаю: её телефон никогда не умолкает, она всегда кому-то нужна. Но сейчас – тишина. Холодная, вязкая, давящая. Отношения родителей начали распадаться давно, оставляя трещины не только между ними, но и в её жизни. Мама потеряла друзей, близких, хороших знакомых. Люди исчезали один за другим. Почему? Может быть, решили, что лучше держаться рядом с отцом – у него останется больше власти, больше денег. А может, они просто сторонятся скандала. Я не спрашиваю об этом маму.

Сейчас не время и не место.

– Хорошо, что ты сбежала, – вдруг говорит мама. Её голос безжизненный, глухой. Я усмехаюсь, но сухо, без радости. – Вообще-то я не сбежала, – парирую. – Я попыталась сбежать, но мне пришлось вернуться.

Мама смотрит на меня бледным, усталым взглядом, как будто из её жизни смыло все краски. – Спасибо тебе, Тата, но лучше бы ты не приезжала, – шепчет она. – Отцу нельзя доверять. Он... превратился в чудовище.

– Мама, ты можешь объяснить, что между вами произошло? – Я колеблюсь, но всё же задаю вопрос, потому что не смогу ей помочь, не зная правды.

Она морщит лоб, словно ей даже думать об отце неприятно. – Я уже тебе всё рассказала, – говорит она тихо. – Добавить нечего. Твой отец превратился в чудовище. Вот и всё. – Сказано как приговор. – Я подала на развод, – продолжает мама. – Хотя... могла и подождать. Если он сядет, будет легче с ним развестись.

Эти слова падают тяжёлым грузом. В них уже нет эмоций, только расчёт.

Страшно стать свидетелем полной и необратимой дезинтеграции семьи. Страшно и даже немного сюрреалистично. Хотя на самом деле я пропустила сам процесс разрушения. Приехала – а остался уже только пепел.

И мне безумно жалко. Обидно. Больно. Потому что однажды мы были очень милой и, казалось бы, счастливой се-

мьей. У нас были свои маленькие традиции, свои смешные ритуалы. Папа мог купить торт просто так, без повода, и мы втроём ели его поздно вечером на кухне. Мама вечно смеялась над его шутками, даже над теми, что были совсем глупыми. И я смеялась вместе с ними. Сейчас всё это кажется каким-то старым сном. Слишком светлым, слишком правильным, чтобы быть настоящим.

Правду говорят, что люди меняются, и вместе с ними до неузнаваемости меняется их брак.

Я заставляю маму пообедать. Она сидит с опущенными плечами, смотрит в пустоту, и мне приходится кормить её с ложечки. Стараюсь настроить её на позитивный лад. Говорю, что всё это временно, что потом станет легче. Хотя сама прекрасно понимаю: единственное, что ждёт её в ближайшие месяцы, – это тяжёлый, изматывающий бракоразводный процесс.

Как-то так получилось, что у мамы не оказалось никакой другой опоры, никаких хобби. Она долгие годы помогала отцу с бизнесом, но потом, когда их отношения начали рушиться, она перестала ходить на работу.

Отчасти поэтому ей сейчас так плохо: ей нечем себя отвлечь. Она не может вспомнить себя. Ту, которая была до брака, до бизнеса, до всего этого. Она как будто потеряла собственное лицо и теперь смотрит в зеркало, не узнавая отражение. Слишком много лет она жила в тени отца, в его ритме, в его мире. И теперь, когда этот мир рушится, ей ка-

жется, что рушится и она сама.

Я выхожу из больницы и долго стою на улице, не решаясь куда-то идти. В родительский дом возвращаться не хочется. Там отец. Не хочу слушать его угрозы и бесконечные жалобы на меня и на маму.

Располагаюсь в гостинице. Сегодняшний вечер у меня свободный. Мама плохо спала прошлой ночью, поэтому вечером собирается отдохнуть. Мы договорились, что я приду к ней завтра утром.

Выхожу на улицу и долго брожу по городу. Бесцельно, медленно. Асфальт мокрый после дождя, фонари отражаются в лужах. Вижу лица прохожих, но будто сквозь стекло. Они заняты своими делами, а я как будто застряла в другой реальности, которая к ним не имеет никакого отношения. В голове крутятся последние новости нашей семьи, и от этого никуда не деться.

Внезапно в одной из витрин вижу шаль. Вязаную, с красными маками, будто вспыхивающими на чёрном фоне. И меня озаряет. Много лет назад бабушка подарила маме очень похожую шаль. Я помню её с детства: мягкая, уютная, с запахом лаванды, которым бабушка всегда пропитывала вещи. Мама её обожала. Всегда, когда у неё было плохое настроение или она чувствовала себя усталой, она укутывалась в эту шаль, словно в кокон, и ей становилось легче. Казалось, ткань умеет лечить её лучше любых лекарств.

Мама потеряла ту шаль и очень расстраивалась по этому

поводу. Она наверняка будет рада подарку.

Покупаю шаль, очень радуюсь тому, что хоть как-то помогу маме. Решаю, что такой важный подарок не может ждать до утра.

Спешу в больницу. Я не прошу о многом, пусть только мама улыбнётся, и тогда я смогу поверить, что мы на пути к хорошему будущему.

Дверь в мамину палату приоткрыта. Я бесшумно заглядываю внутрь.

То, что открывается моим глазам, заставляет меня застыть на месте.

На маминой кровати двое, мужчина и женщина. Они сожмкнуты в страстных объятиях, полностью отвлечены поцелуем.

Это моя мама и Герман Орлов.

Отец Мирона. Человек, который долгие годы был врагом и конкурентом моего отца. Человек, чьё имя у нас дома всегда произносилось почти с ненавистью. И тот самый мужчина, который несколько дней назад должен был стать моим свёкром.

Он наклоняется над мамой, над моей мамой, лежащей в постели, и целует её.

Es el fin del mundo. Это конец света.

Глава 6

В обычной ситуации я бы бесшумно вышла из палаты и прикрыла за собой дверь.

Однако эту ситуацию обычной не назовёшь ни с какого ракурса. Хотя, честно говоря, выйти хочется. Я и родительские обнимашки старалась игнорировать, когда жила с ними, а уж на эту непристойность с отцом моего несостоявшегося жениха мне точно смотреть не хочется. Поэтому я хоть и не выхожу из палаты, но отворачиваюсь. И кашляю. Громко.

– О-бал-деть! – говорю с усмешкой.

Мой голос тонет в грохоте мебели и столах Германа Орлова. Стонет он от боли, а не от удовольствия, и мстительная часть меня тайно этому радуется. Я бы вела себя потактичней, однако, если судить по разговору Германа с моим отцом, хорошим человеком его не назовёшь. Скорее, мерзкой пиявкой. А мама К ней у меня тоже есть претензии. Она разыграла перед своей сестрой и передо мной трагедию одинокой души, обиженной преступным мужем, приводящим домой посторонних женщин, а при этом сама балуется адюльтером, и её вкус в мужчинах оставляет желать лучшего.

Краем глаза кошусь на нарушителей больничного порядка. Вроде оба в приличном виде, поэтому подхожу ближе и кладу шаль на кровать рядом с мамой.

– Вот, купила тебе кое-что, хотела порадовать, а ты, я

смотрю, и так уже радуешься.

Мама сидит, сложив руки на коленях, на меня не смотрит.

– А ты могла бы повести себя культурно и притвориться, что ничего не заметила, – говорит тихо, но в её голосе отчётливо чувствуется раздражение.

– Нет, не могла бы. – Перевожу взгляд на Германа. Тот уже привёл себя в порядок и теперь изо всех сил пытается выглядеть невозмутимым. – Это всё последствия аппендицита. Помните? Вы читали о них в моей медкарте, которую доставили нелегально. У меня были такие тяжёлые осложнения, что я разучилась вести себя культурно.

Герман сначала хмурится, потом его лицо озаряет догадка. Кажется, он вспомнил о разговоре с моим отцом и понял, что подтолкнуло меня к побегу со свадьбы.

– Во избежание дальнейших обвинений, скажу, что медкарту я получил от твоего отца, – говорит он.

– Папа достал её после того, как вы этого потребовали. Слабая защита, господин Орлов. Во избежание дальнейших обвинений, скажу, что фотография ваших с мамочкой обнимашек, которую я успела сделать, попадёт ко всем нашим родственникам и в газеты сама по себе, без моей помощи.

К сожалению, это ложь. Увидев мать с Германом, я была в таком шоке, что о фотографии даже не подумала. А жаль.

Герман предсказуемо бледнеет, смотрит на маму, давит на неё взглядом.

– Сделай что-нибудь! Это твоя дочь! – шипит.

Мама реагирует моментально.

– Прекрати, Тата! Иди сюда и дай мне свой телефон! Мы вместе сотрём фотографию. Ты не имела права фотографировать, и вообще, то, что здесь происходит, тебя никоим образом не касается.

Возможно, мама права от и до, но дело не в этом, а в том, что все кому не лень пытаются мною манипулировать.

– Надо же, какая ты активная и властная! – говорю с открытым сарказмом в голосе. – Я срочно прилетела к тебе из другого города и несколько часов сидела рядом с твоей постелью, и всё то время ты строила из себя умирающую. И когда отец мне лгал и пытался продать меня этой гадкой семейке в качестве племенной кобылы и выдать замуж за бутфорского павлина, ты тоже притворялась мебелью!

Резкое движение Германа заставляет меня обернуться.

В дверях палаты стоит павлин собственной персоной.

– Что здесь происходит?! – Резкий голос Мирона и весь его напряжённый, злой вид говорит о том, что он здесь не случайно. Вполне возможно, что он следовал за папашей, надеясь поймать его на горяченьком.

Герман бросает на меня предупреждающий взгляд, требуя, чтобы я молчала, и говорит.

– У нас здесь встреча.

Мирон обводит нас взглядом, хмурится.

– У вас

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.